

УДК 811.112.2'272

АСПЕКТЫ РЕГУЛЯЦИИ НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

¹Кобенко Ю.В., ¹Глухий Я.А., ²Рябова Е.С.

¹ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Томск, Россия (634050, Томск, пр. Ленина, 30), e-mail: serpentis@list.ru

²ФГБОУ ВПО «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия», Самара, Россия (443099, Самара, ул. М. Горького, 65/67), e-mail: es.ryabova@mail.ru

В статье рассматриваются аспекты институциональной регуляции литературного немецкого языка в диахронной перспективе, т.е. без учёта особенностей текущей языковой ситуации. Регуляция литературных языков существенно отличается от таковой других языковых форм. Она осложнена неоднородностью (алломорфией) и искусственностью литературных идиомов, неустойчивостью и избирательностью кодификационных предписаний, влиянием и сменой языков-стандартов (металектов) и другими факторами. Сущность регуляции указанного языка трёхчастна: она может фиксироваться на прошлом, текущем и будущем его состоянии в соответствии с предпочтениями субъектов языкового регулирования. Фиксация на прошлом состоянии немецкого литературного языка обозначается в предлагаемой статье лингвоконсидерацией, артикуляторами которой выступают ортология и языковая критика. Фиксация на текущем состоянии обозначается языковой политикой, на будущем – языковым планированием. Все аспекты языковой регуляции литературного немецкого языка разделяются по объекту воздействия на регулирование статуса и регулирование корпуса, в случае языкового планирования уместно говорить о нормативном и функциональном типах.

Ключевые слова: немецкий литературный язык, языковая регуляция, лингвоконсидерация, языковая политика, языковое планирование.

ASPECTS OF LITERARY GERMAN LANGUAGE REGULATION

¹ Kobenko Y.V., ¹Glukhiy Y.A., ²Ryabova E.S.

¹Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia (634050, Tomsk, main street Lenina, 30), e-mail: serpentis@list.ru

²Samara State Academy of Social Science and Humanities, Samara, Russia (443099, Samara, street M. Gorkogo, 65/67), e-mail: es.ryabova@mail.ru

The article offers an overview of the aspects of institutional regulation of the literary German in diachronic perspective, i.e. not regarding the peculiarities of a current language situation. The regulation of literary languages considerably differs from that of other language forms. It is complicated by the heterogeneity (allomorphy) and artificiality of literary idioms, instability and selectivity of codification prescriptions, influence and change of standard languages (metalects) and other factors. The substance of regulating the mentioned language is of three-fold structure: it can be focused on its past, current and future state in accordance with preferences of language regulation subjects. The focusing on a past state of the literary German is called in this article “language consideration”, articulators of which are orthology and language criticism. The focusing on a present state is called language policy, on a future state – language planning. All aspects of regulating the literary German are divided according to the object of the influence on status and corpus regulation; in the case of the language planning it is appropriate to mention normative and functional types.

Key words: literary German, language regulation, language consideration, language policy, language planning.

Введение

Под языковой регуляцией в настоящей работе понимается реконструктивное вмешательство общества с целью изменения или сохранения литературного языка. Данное вмешательство реализуется, как правило, на основе выработанной обществом языковой политики [6] и

подразделяется по объекту воздействия на регулирование статуса и регулирование корпуса. Антиномия «статус vs. корпус языка» определяется взаимосвязью экстра- и интралингвистического уровней языка и основывается в свою очередь на антиномии внешней и внутренней лингвистики, описанной Ф. де Соссюром [4].

Корпус языка представляет совокупность подсистем и их элементов, конституирующих систему литературного языка, и традиционно отождествляется с его интралингвистическими уровнями (морфосинтаксическим, фонетико-графическим, лексико-семантическим и прагматическим). Под *статусом* понимается совокупность характеристик культурного, политического, экономического, юридического и пр. плана, определяющих рамки использования литературного языка. Стержневым моментом статусного порядка можно считать значимость (ранг, вес, престиж, роль) немецкого литературного языка в рамках определённой языковой ситуации. Статусом, который относится к экстралингвистическому уровню, могут обладать и отдельные единицы корпуса: к примеру, англо-американские заимствования в немецком литературном языке ФРГ, заимствованные после 1945 года, сохраняют статусные атрибуты языка-донора (языка вертикали), ср. пары гетеролингвальных синонимов: «*Horrorfilm*» ↑ vs. «*Gruselfilm*» ↓, «*Coverstory*» ↑ vs. «*Titelgeschichte*» ↓. Непреодолимая граница элементов антиномии «статус языка vs. корпус языка» совпадает с границей имматериального, или идеального (статус), и материального (корпус): статус представляет надстройку корпуса, так сказать, его культурное продолжение в социальном измерении, в то время как корпус является экраном внутренних и внешних факторов языкового изменения.

Цель исследования

Целью предлагаемой работы является экспликация аспектов регуляции немецкого литературного языка в диахронной перспективе, т.е. в контексте рассуждений, превосходящем границы определённой языковой ситуации. Объектом выступает немецкий литературный язык в его основном континууме – на территории современной ФРГ.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили данные анализа кодификационных процессов в истории немецкого литературного языка, основной задачей которого было выявить наиболее устойчивые а) инструменты и б) аспекты его регуляции субъектами языковой политики в различные исторические периоды.

Корпус методов включает общенаучные и лингвистические: метод семантической интерпретации, описательный, сопоставительный, моделирующий, системно-функциональный, дедуктивный, а также метод выделения крайних точек исторических процессов.

Результаты исследования

Аспектами регуляции немецкого литературного языка в диахронической перспективе выступают: а) *лингвоконсидерация*, б) *языковая политика* и в) *языковое планирование*. В соответствии с объектом воздействия они подразделяются на корпусный и статусный типы.

А. *Лингвоконсидерация* (лат.: *consideratio* = рассматривание, созерцание) (*Sprachbetrachtung*) противопоставлена языковой политике и языковому планированию в том, что она исполняет по отношению к развитию системы немецкого литературного языка рецепирующую роль. Это действительно и в отношении главного экспонента, и любого другого компонента определённой языковой ситуации. Потребность в наблюдении за развитием литературных языков и отслеживании активных тенденций – как стихийных, так и управляемых – возникла неизменно в условиях коммуникативных сдвигов.

Корпусная лингвоконсидерация направлена на рассмотрение текущего состояния корпуса немецкого литературного языка и сравнение данного состояния с состояниями прошлых этапов развития. *Статусная лингвоконсидерация* преследует цель выявить статусные особенности немецкого литературного языка и сравнить их с состояниями его статуса в рамках прежних языковых ситуаций.

Основными артикуляторами лингвоконсидерации являются ортология и языковая критика. Под *ортологией* понимается контекст культурно-речевых и стилистических рассуждений, связанных с изучением устойчивых и воспроизводимых *отклонений* от существующих норм в речи носителей языка, их причин, носящих системно значимый характер, и путей их устранения [5]. Л.В. Щерба квалифицировал данные отклонения как речевые ошибки, или системно устойчивые социально запрограммированные и коммуникативно воспроизводимые языковые средства [7]. Всякое речевое отклонение, носящее не случайный характер, а воспроизводимое в речи различных людей с определённой регулярностью, представляет собой корреляты нормы в системе общенационального языка. Т.е. ошибка, как и норма, носит иерархический характер и пронизывает всю языковую систему. В контексте языкового развития коррелятами нормы зачастую представляются заимствованные языковые единицы, которые «в зависимости от характера отношения к элементу Чужого в языке-реципиенте могут быть отнесены в категорию рекомендованных / нереконмендованных» [3]. Таким образом, в ортологической перспективе Чужое определяется понятием «ненормы», в силу чего, как правило, выступает объектом языковой критики. Своё отражение ортология находит в *ортологической лексикографии*, специальной отрасли лексикографии, посвящённой практике создания словарей ненорм. Она исходит из необходимости выявления, систематизации и интерпретации ненормы и объяснения

на этом фоне самой нормы, а также изучает способы описания речевых ошибок в специальных словарях [5].

Языковая критика изучает речь, речевые акты и дискурсы на фоне взаимодействия языка и общества. Отличиями языковой критики от ортологии можно считать культуралистическую оценку речевых высказываний, а также наличие определённой авторской позиции, на основе которой формулируется сама критика. Последнее обуславливает субъективизм языковой критики, отражённый в семи так называемых «лингвоидеологических позициях» («*sprachideologische Haltungen*») П. фон Поленца: языковом консерватизме («*sprachkonservative Haltung*»), элитаризме («*sprachelitäre Haltung*»), историзме («*historische Haltung*»), пуризме («*sprachpuristische Haltung*»), мономании («*sprachmonomane Haltung*»), панлингвистической («*panlinguistische Haltung*») и культурно-революционной позициях («*kulturrevolutionäre Haltung*») [11]. В основе культуралистической оценки, определяющей субъективизм языковой критики, лежит понятие культурализма, определяемое как «направление мыслительной деятельности человека, подчёркивающей его как целенаправленно и целесообразно действующего культурного субъекта» [10].

Б. *Языковая политика* представляет, с одной стороны, систему мер, осуществляемых субъектами языковой и государственной политики для сохранения или изменения статуса и корпуса немецкого литературного языка. С другой стороны, языковая политика – всегда часть политики административно-территориального образования (в данном случае – ФРГ), ведь характер языковых преобразований всегда сопряжён с особенностями действующего политического устройства.

В немецкой научной традиции принято различать между «*Sprachenpolitik*» и «*Sprachpolitik*». К примеру, Г. Крист, понимает *Sprachpolitik* (языковую политику) как «внутрисистемное влияние», а *Sprachenpolitik* (политику языков) как «коммуникационный радиус влияния» [8].

В зависимости от того, на преобразование какого аспекта языковой сущности направлены меры, различают *статусную* и *корпусную языковую политику* [1]. *Статусная языковая политика* нацелена на преобразование статуса определённого компонента языковой ситуации и обычно распространяется и на другие её компоненты. *Корпусная языковая политика* преследует цель структурного обогащения регулируемого языка (например, развитие терминологии, письменности) или защиты от влияния языков-макропосредников.

В отличие от лингвоконсидерации, характеризующейся своей ретроспективностью, категориальным признаком языкового планирования (*Sprachplanung*) выступает *проспективность*, т.е. ориентированность на будущее состояние регулируемого языка.

Планирование немецкого литературного языка должно опираться на лингвоконсидерацию, которая рассматривает настоящее его языка в сравнении с его прежними состояниями, анализирует изменения и предвкусывает определённое языковое функционирование в некоей концепции, нацеленной на преобразования отдельных составляющих корпуса и/или статуса немецкого литературного языка в рамках сложившейся языковой ситуации. Данная концепция реализуется через языковое планирование в определённых моделях языковой политики.

Сама же действующая система мер лингвистического характера, либо направленных на реализацию данной концепции, либо осуществляемых хаотически, и составляет языковую политику административно-территориального образования. Следовательно, языковая политика всегда отражает текущее состояние языковой регуляции с её зачастую непрофессиональным осуществлением и поэтому находится в поле интересов большинства социолингвистов. Как справедливо замечает М. Раннут, «языковая политика осуществляется политиками, а планирование – специалистами» [2].

Итак, *языковое планирование* представляет собой лингвистическую разработку концепции будущего функционирования корпуса и статуса определённой языковой формы и пользования ею. Равно как и лингвоконсидерация, языковое планирование – удел лингвистов различного профиля, планирующих язык в разнообразных сферах влияния языковой политики.

Регулирование статуса имеет решающее значение для будущего немецкого литературного языка. Проспективность языкового планирования делает данный инструмент языковой регуляции наиболее ответственным, а участие в планировании квалифицированных лингвистов обязательным. Последнее обусловлено тем, что будущее языковое функционирование в момент настоящего всегда характеризуется незавершённостью, и разработка концепции как сложной системы элементов рекомендации / нерекommendации требует знания не только прошлого и настоящего, но и «ближних» тенденций языкового развития» [3].

Задача лингвистов состоит не только в прогнозировании развития титульной языковой формы на основе определённых культуралистических предпочтений, но и в верном распознавании внутренних тенденций языка, гармонизации внешнего и внутреннего факторов языкового изменения, в такой организации дескриптивного (узуса) и прескриптивного (нормы), которая бы обеспечивала сбалансированное развитие регулируемого языка с пользой для культуры и общества в целом.

Языковое планирование целиком основывается – и в этом смысле оно очень тесно сотрудничает с лингвоконсидерацией – на рефлексии тенденций языкового развития двух планов: *нормативного* и *функционального*. Хотя нормативная рефлексия языкового развития

касается большей частью корпусной, а функциональная – статусной ипостаси языковой сущности, данные типы рефлексии не являются абсолютными атрибутами корпуса или статуса, а скорее их метапризнаками. В этой связи *разделение языкового планирования на нормативное и функциональное* представляется более целесообразным, нежели традиционное на корпусное и статусное [ср.: 9]. В качестве примера приведём реформу немецкого правописания от 1-го июля 1996 г., вступившую в силу окончательно с первого августа 2006 г., где новая рекомендуемая форма написания галлицизмов «*Resümee*», «*Exposee*», «*passee*» является подспудным признаком сниженного уровня грамотности, в то время старая форма написания «*Rèsumé*», «*Exposé*», «*passé*» не только не считается неправильной, в особенности в академической среде, но и свидетельствует о высокой степени лояльности к немецкому языку, несмотря на то, что формально все три единицы представляют собой ксенизмы галльского происхождения. Такое тесное сплетение корпусно-статусных параметров заимствованных единиц делает классификацию языкового планирования по Р. Куперу [9] недостаточной для теоретического фундамента нашего исследования. Оба выделенных типа языкового планирования восходят целиком к основным функциям языкового регулирования – изменению и сохранению языка. Изменение созвучно функциональному типу, сохранение – нормативному. Нормативное языковое планирование носит прескриптивный, а функциональное – пермиссивный характер. Соответственно, прескриптивное нормосберегающее языковое планирование усиливает моноцентризм идиома языковой формы, в то время как пермиссивный функциональный тип стимулирует плюрицентризм языкового идиома.

Нормативное языковое планирование является консервативным и стремится сохранить наилучшее языковое состояние, либо приблизить к нему регулируемый язык. К примеру, упомянутая реформа немецкого правописания предусматривает написание «ä» в однокоренных словах после умлаута, передаваемой со средневерхненемецкого периода буквой «e», ср.: *Aufwand* → *aufwändig* (свн.: *aufwendig*), *Überschwang* → *überschwänglich* (свн.: *überschwenglich*). Смыслом данной меры нормативного языкового планирования является орфографическая фиксация словообразующей морфемы с целью сохранения исторической (этимологической) связи единиц того или иного гнезда, т.е. прозрачности словообразовательного механизма, так как для немецкого языка типична быстрая смена внутренней формы слова (ср.: *tun* → *Tat*, *Gewicht* → *Wucht*, *kiesen* → *Kür*) и это может восприниматься нормализаторами как опасность языкового сдвига. Данный тип языкового планирования нацелен на повышение литературного качества немецкого языка по Э.Г. Ризель [12], т.е. тех его функционально-стилистических слоёв,

которые расположены в стратификационной иерархии стилей выше нейтрального уровня и, следовательно, образуют буквально «высокий» язык (*Hochsprache*).

Функциональное языковое планирование имеет целью изменение норм немецкого литературного языка. Оно направлено на усовершенствование и расширение его функций, как правило, за счёт заимствованного материала. Расширение специальных сфер функционирования литературного языка посредством заимствования предполагает сознательное отхождение от литературной нормы с целью выработки собственной номенклатуры (ср. обозначение звука [k] латинской буквой «с», характерное для интернационализмов в периферийных сферах лексико-семантической системы немецкого литературного языка, наряду с общеупотребительной нормой: «*Nicotin*» vs. «*Nikotin*», «*cyclisch*» vs. «*zyklisch*» и т.п.). Это определяет необходимость интерпретации новых функциональных единиц средствами специальной лексикографии в рамках функционального языкового планирования.

Выводы

Таким образом, аспекты языковой регуляции немецкого литературного языка соответствуют темпоральным акцентам его онтологии: лингвоконсидерация → прошлому, языковая политика → настоящему, языковое планирование → будущему состояниям. В диахронной перспективе на передний план выходит представление о состоянии регулируемого литературного языка, принимаемое субъектами языковой регуляции за образцовое. Регуляция же отдельного компонента определённой языковой ситуации (в синхронном аспекте) предполагает реорганизацию функций всех её компонентов. Возникающий компенсирующий эффект свидетельствует о целостности процессов и взаимообусловленности конститuentов языковой ситуации, выступающих одновременно объектами языковой регуляции.

Список литературы

1. Кузнецов С.Н. Модели языковой политики в русскоязычном обществе // Сборник тезисов Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность» 13-16 марта 2001 г. – М.: МГУ, 2001. – С. 308-309.
2. Раннут М. Пособие по языковой политике. – Таллинн: Atlex, 2004. – 215 с.
3. Семенюк Н.Н. Формирование литературных норм и типы кодификационных процессов // Языковая норма: типология нормализационных процессов. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 23-44.

4. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Пер. с французского. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
5. Теймурова С.С. Ортология и ортологическая лексикография. Язык образования и образование языка // Язык образования и образование языка: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции 29-30 июня 2005 г. – Великий Новгород: НовГУ, 2000. – С. 305.
6. Туманян Э.Г. О природе языковых изменений // Вопросы языкознания. – 1999. - № 3. – С. 86-97.
7. Щерба Л.В. О понятии смешения языков // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
8. Christ H. Sprachenpolitische Perspektiven // Bausch K.-R., Christ H., Hüllen W., Krumm H.-J. (Hrsg.) Handbuch Fremdsprachenunterricht. – 3. überarb. u. erw. Aufl. – Tübingen: Francke, 1995. – P. 75.
9. Cooper R.L. Language Planning and Social Change. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 228 p.
10. Fuchs-Heinritz W., Laubmann R., Rammstedt O., Wienhold H. Lexikon zur Soziologie. — 3. Aufl. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. – 763 p.
11. Polenz P.v. Geschichte der deutschen Sprache. — 10., völlig neu bearb. Aufl. von N.R. Wolf. – Berlin, NY: Walter de Gruyter, 2009. – 240 p.
12. Riesel E. Stilistik der deutschen Sprache. – Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1959. – 468 p.

Рецензенты:

Романов А.А., д.фил.н., профессор, профессор-консультант, кафедра иностранных языков Энергетического института Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск.

Которова Е.Г., д.фил.н., профессор, профессор-консультант, кафедра иностранных языков Энергетического института Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск.